

БОРИС КРИГЕР

Как Мишка и Зайка изобрели доброту заново

БОРИС КРИГЕР

Как Мишка и Зайка
изобрели доброту
заново

Сборник сказок

© 2025 Boris Kriger

All rights reserved. No part of this publication may be reproduced or transmitted in any form or by any means electronic or mechanical, including photocopy, recording, or any information storage and retrieval system, without permission in writing from both the copyright owner and the publisher.

Requests for permission to make copies of any part of this work should be e-mailed to krigerbruce@gmail.com

Published in Canada by Altaspera Publishing & Literary Agency Inc.

Сборник сказок. Как Мишка и Зайка изобрели доброту

Перед вами тёплый сборник лесных сказок о двух друзьях, которые умеют находить чудеса в самых простых вещах. Вместе они лечат не только травами, но и смехом, учат солнце светить смелее, варят варенье, чтобы успокоить сердце, ищут потерянное леденцовое настроение и даже играют в Дон Кихотов, сражаясь с невидимыми мельницами. В этих историях доброта — не редкость, а повседневное сокровище, которое можно подарить любому: тёплой лапкой, мягким словом или кусочком восторга, принесённого бабочкой. Сборник наполнен нежным юмором, уютом и напоминанием, что самые волшебные чудеса растут там, где есть дружба.

СКАЗКА 1. «КАК МИШКА И ЗАЙКА ИЗОБРЕЛИ ДОБРОТУ ЗАНОВО»

Жили-были в лесу два друга — Мишка и Зайка. Они были неразлучны: вместе завтракали одуванчиковым вареньем, вместе смотрели на облака, а вечерами рассказывали друг другу свои самые сокровенные мечты. Но однажды утром они проснулись и заметили странную вещь: лес стал какой-то колючий. Белка не поделилась орешком, Ёжик фыркнул на Синичку, а Волчонок сказал, что никто ему не нужен и он будет жить один.

— Что-то случилось с лесом, — сказал Зайка, почесав

ушко.

— Он, кажется, заболел... — согласился Мишка, прижав лапки к пузику.

Они пошли к мудрой Сове. Та сидела на самой высокой ветке и всё видела.

— Лес не заболел, детки. Просто все забыли, что такое доброта. Она, как воздух: пока есть — никто не замечает, а как пропадает — дышать становится трудно, — сказала Сова и снова закрыла глаза.

Мишка и Зайка переглянулись.

— А давай мы её изобретём заново? — предложил Мишка.

— А как? Мы же не учёные... — засомневался Зайка.

— Учёные не всегда первыми всё придумывают, — улыбнулся Мишка. — Иногда достаточно сердца.

И они начали. Сперва Мишка испёк ореховое печенье и понёс его Волчонку. Волчонок сначала зарычал, но потом взял кусочек — и вдруг его волчьи глаза потеплели.

Зайка пришёл к Белке и сказал:

— Прости, что в прошлом году нечаянно наступил на твой хвостик. Я знаю, что тебе было больно. Белка расплакалась и протянула Зайке орешек.

Потом они помогли Ёжику найти потерянную иголку, утешили маленькую Синичку, которая боялась ночи, и даже устроили праздник “День Тёплых Слов”. На него пришли все: даже Лисёнок, который обычно никуда не ходил.

И вот что случилось: каждый, кому Мишка и Зайка подарили свою маленькую доброту, начинал сам делать

что-то доброе для других. Доброта, как оказалось, была заразительной, но в самом хорошем смысле. Она передавалась от сердца к сердцу, от взгляда к взгляду, даже через тихое “спасибо”.

И когда в лесу снова стало легко дышать, Сова спустилась с ветки, посмотрела на Мишку и Зайку и сказала:

— Ну что, молодцы. Изобрели. А теперь берегите её. Доброта — не игрушка, а сокровище. И не обязательно большое. Иногда даже одна тёплая лапка на плече может спасти чей-то день.

С тех пор в лесу каждую неделю отмечают “День Маленьких Добрых Дел”, и никто больше не забывает, как легко и радостно жить, если вокруг тебя доброта.

А Мишка и Зайка сидят рядом, пьют ромашковый чай и шепчутся:

— А давай завтра изобретём счастье?
— Оно, кажется, уже здесь...

СКАЗКА 2. «КАК ЗАЙКА ИСКАЛ ЛЕДЕНЦОВОЕ НАСТРОЕНИЕ»

Зайка всегда был в хорошем настроении. Ну, почти всегда.

А вот однажды утром он проснулся и вдруг понял: что-то не так.

Солнышко светит, птицы поют, даже Мишка зовёт завтракать — а Зайке грустно.

Он подошёл к зеркальцу, посмотрел на своё отражение и сказал:

— Хм... Похоже, я потерял своё леденцовое настроение.

Так он называл своё особенное чувство, когда всё внутри переливается, как карамелька на солнышке, и так и хочется обнять весь мир.

Сначала Зайка заглянул к Ёжику:

— У тебя случайно не завалилось моё леденцовое настроение?

Ёжик расправил иголочки, покрутился вокруг и ответил:
— Нет, но я могу угостить тебя яблочками. Они хрустят весело!

Зайка поблагодарил, похрустел яблочком — но внутри по-прежнему было пасмурно.

Потом он заглянул к Лягушонку:
— Ква-ква! — сказал Лягушонок. — Леденцовое настроение? Я не знаю, но у меня есть пузырьки! Хочешь попускать пузырьки и попрыгать по кувшинкам?

Они попрыгали, поквакали, повеселились... но всё равно внутри у Зайки ничего не защекотало.

Он вздохнул и побрёл дальше.
Уже начинал думать, что его леденцовое настроение совсем пропало.

И тут он услышал тихое бормотание.
Это Мишка сидел на поляне и сочинял песенку:

Если на небе тучка заплачет,
Или куда-то закатится мячик,
Зайка поможет — он молодец!
Всё он поправит и даст леденец!

Зайка тихо подошёл, сел рядом и спросил:
— Мишка... это ты про меня песенку сочиняешь?

— Конечно, — улыбнулся Мишка. — Я знал, что ты найдёшь своё леденцовое настроение, как только вспомнишь, что ты — не один.

И тут Зайка вдруг почувствовал:

что-то внутри защекотало, как перышко.
Потом засверкало, как конфетная обёртка на ветру.
А потом... бац! — и снова вернулось *леденцовое настроение!*

Он подпрыгнул, рассмеялся и крепко обнял Мишку.

— Вот оно! Я его нашёл!

Оно пряталось в дружбе. В твоей песенке.
В том, что кто-то меня любит —
даже если я сам себя немножко потерял.

С тех пор, если Зайка вдруг грустит,
он просто идёт туда, где его ждут.

Потому что самое леденцовое настроение
всегда растёт на кусте под названием **«дружба»**.
И чем больше его раздаёшь —
тем сладче оно становится.

А если вдруг и вы сегодня его потеряли —
знайте: оно прячется в добрых словах,
в тёплых обнимашках...
и в этой сказке.

Сказка 3. «КАК МИШКА СМАСТЕРИЛ КОРОБКУ ДЛЯ ТЁПЛЫХ МЫСЛЕЙ»

— Мысли надо держать в тепле, — подумал Мишка, проснувшись в один особенно холодный зимний день. За окном кружились снежинки, как пушистые белые зайчики, и в комнате было так тихо, что даже его мысли начинали мёрзнуть.

Он потянулся, зевнул и почувствовал, как одна задумчивая мысль — о друге Зайке — дрожит где-то в уголке Мишкиной головы, словно замёрзшая птичка. Мишка встревожился.

— Нельзя так! — сказал он вслух. — Мысли ведь хрупкие. Их нужно беречь, чтоб им не было зябко.

Сначала он попытался одеть каждую мысль в варежку. Нашёл крошечные шерстяные обрывки, связал из них что-то вроде мини-варежек, натянул на особенно

любимые мысли — о дружбе, об одуванчиковом варенье, о Зайкиных обнимашках... Но мысли всё равно мёрзли.

Тогда он попробовал повязать им шарфика — тонкие ленточки из старых носочков. Завязывал аккуратно, чтоб сильно не затягивать. Но и это не помогало.

— Видно, дело не в одежде, — задумался Мишка, сидя у окна. — Им нужно что-то большее... что-то уютное... как дом. Или как тёплая лапка друга.

И тогда он придумал!

— Устрою их в коробку! Не простую, а утеплённую. Чтобы внутри было так же тепло, как, когда Зайка обнимает.

Он достал свою старую коробку из-под индийского чая. Обклеил её мягкой ватой, изнутри выстелил фланелью с медвежатами, добавил туда пару сухих листьев с запахом осени, щепотку корицы и даже капельку варенья — чтобы внутри пахло уютом.

На крышке он нарисовал солнце и написал: "**Для тёплых мыслей. В плохом настроении лапами не трогать!**"

И вот, когда появлялась особенно трепетная, добрая или милая мысль — Мишка бережно брал её, смешно дул на неё, согревая дыханием, и укладывал в коробку. А мысли, уютно устроившись, сразу начинали сиять изнутри, словно маленькие фонарики.

Скоро весь дом наполнился тихим, золотистым светом. Даже Зайка заметил:

— Мишка. Что ты такое придумал?

— Просто коробку для тёплых мыслей, — улыбнулся

Мишка.

И знаете что? Иногда, когда у Зайки было пасмурно на душе, Мишка открывал коробку — и выпускал одну из мыслей погулять. Ту, что пахла корицей и дружбой. Она садилась Зайке на ухо и шептала: *«Всё будет хорошо. Я — тёплая мысль.»*

И становилось хорошо. Потому что мысли, если о них заботиться, умеют греть не хуже пледа и чашки какао.

Сказка 4. "ЗАЙКА И ВОЛШЕБНАЯ КРУЖКА"

У Зайки была кружка. Самая обычная. Беленькая, с круглой ручкой, без рисунков. Он пил из неё ромашковый чай по утрам и тёплое молочко перед сном. Кружка была не волшебной, не музыкальной, не переливалась на солнце — но Зайка её всё равно любил. Просто, потому что она была.

Но однажды, когда Зайка умывался и подпрыгнул от холодной воды, лапка задела край полки — и кружка упала.

Тиньк!

Она не разбилась совсем, но по боку пошла трещинка, тонененькая, как ниточка. Зайка очень расстроился.

— Прости, кружечка... — прошептал он, гладя её лапкой. — Ты теперь треснутая...

Он хотел уже поставить её на самую дальнюю полку — но вдруг остановился. А потом достал из коробочки цветной клей, золотую краску и маленькие блёстки. Сидел весь вечер, чинил, заклеивал, раскрашивал.

На месте трещинки появилась золотая полоска, будто солнечный лучик лёг на кружку и остался.

Когда всё высохло, кружка засияла. Она больше не была просто белой. Теперь она стала особенной. Ни на одну другую не похожей. Треснутая — да. Но с историей. С заботой. С добрым прикосновением лапок.

На следующий день Зайка налил в неё тёплый чай с мёдом и пошёл к Мишке.

— Смотри, Мишка, — сказал он, ставя кружку на стол.

— Она же была треснутая... Но теперь она ещё красивее, правда?

Мишке долго смотрел на кружку, потом обнял Зайку и сказал:

— Не обязательно треснуть, чтобы тебя полюбили. Но треснутых надо любить особенно. Потому что они уже немножко хрупкие... и очень-очень настоящие.

Зайка улыбнулся. А кружка тихонько поблескивала в лучах утреннего солнца, будто понимала — теперь она по-настоящему волшебная. Потому что в ней было немного золота, немного чая... и много любви.

А ты, дорогой читатель, уже треснутый?
Тогда знай — я тебя особенно люблю.
Сильно-сильно.

Люблю тебя и твою золотую трещинку.

СКАЗКА 5. «КАК БАБОЧКА ПРИНЕСЛА МИШКЕ В ЛАПКАХ ВОСТОРГ»

Однажды утром Мишка проснулся от тихого, почти неслышного шороха за окном. Он выглянул — и увидел, как в солнечном луче, переливаясь всеми цветами радуги, кружит маленькая бабочка. Она то поднималась высоко, то мягко опускалась, будто танцевала свой утренний танец.

— Какая красивая! — прошептал Мишка, улыбаясь.

И вдруг бабочка, словно услышала его, подлетела ближе и тихонько опустилась ему прямо на лапку. Мишка почувствовал лёгкое прикосновение, как нежный пушок. А вместе с ним — что-то удивительное: внутри у него вдруг распахнулись все окошки, засветило солнышко, и захотелось смеяться, петь, обнимать весь мир.

— Что это? — удивился Мишка, а бабочка чуть качнула

крылышками и тихо сказала:

— Это восторг. Я принесла его тебе в лапках. Он лёгкий, как ветерок, и тёплый, как утренний свет.

Мишка вдохнул глубже и понял, что восторг пахнет яблочным пирогом, свежей травой и чем-то ещё, что невозможно описать, но очень хочется сохранить.

— А ты можешь оставить его со мной навсегда? — спросил он.

— Могу, — ответила бабочка. — Но только если ты будешь делиться им с другими. Восторг любит перелетать от сердца к сердцу, иначе он скучает.

С тех пор Мишка каждый день находил повод подарить кому-то кусочек своего восторга: Зайке — тёплое слово, Ёжику — пирожок, Синичке — семечки. И чем больше он делился, тем ярче светилось его сердце.

А бабочка часто возвращалась, садилась ему на лапку и, улыбаясь по-своему, бесшумно напоминала:

— Помни, Мишка, восторг легче всего носить в открытых ладошках.

Теперь Мишка знал: восторг — как солнечный лучик, он всегда где-то рядом, даже если спрятался за облачком. Просто надо иногда поднять голову, прищуриться и увидеть, как он подмигивает. А бабочка лишь напомнила ему, что чудеса не живут в далёких странах — они прыгают по травинкам, прячутся в аромате свежевыпеченных пирожков и улыбаются в глазах друзей. Теперь Мишка каждое утро выходил на крыльцо, глубоко вдыхал и говорил сам себе: «Ну что, восторг, давай-ка за мной!» — и тот, смеясь, всегда поспевал за

ним.

Иногда восторг прилетал к Мишке прямо за завтраком — как-то раз он сидел с чашкой мёда, и ложка вдруг зазвенела, будто звала его в путешествие. В другой день восторг выскочил из ведёрка с клубникой, когда он случайно нашёл ягодку в форме сердечка. А однажды он пришёл вместе с дождём: капли стучали по крыше так весело, что Мишка пустился в пляску прямо на крыльце, а бабочка кружилась рядом, как дирижёр этого дождливого оркестра. И каждый раз Мишка смеялся, думая: «Ну и выдумщик ты, восторг! Где только тебя не встретишь!»

А иногда восторг приходил к Мишке вместе с Зайкой. Как-то раз они пошли собирать одуванчики, и Зайка вдруг придумал надуть из них целое пушистое облако, чтобы «отпустить его в небо». Восторг так и хотстал в их лапках, пока они бежали по лугу, стараясь, чтобы ветер не унёс облако раньше времени. В другой день Зайка притащил старую кастрюльку и предложил «сварить» компот из дождика — они ставили её под дождь, ловили капли, а бабочка летала рядом и подсказывала, какие «ингредиенты» добавить: лучик солнца, запах липы и немного смеха. А однажды, прохладным вечером, Зайка и Мишка сидели на крыльце, пили тёплое молоко с мёдом, и бабочка тихо присела к ним. «Видишь, — сказал Зайка, — восторг всегда знает, где нас найти». И Мишка кивнул, ведь это было чистой правдой.

И в тот момент Мишка вдруг понял, что восторг — это не то, что приходит и уходит, а то, что живёт в них самих, пока они вместе. Не в бабочке, не в облаке из

одуванчиков и даже не в сладком молоке с мёдом, а в том мгновении, когда они сидят рядом и чувствуют, что этого — достаточно. Что весь мир — от тёплого крыльца до далёких звёзд — помещается в одном вечере, в их смехе и в том тихом согласии, что обитает здесь и сейчас — и это и есть жизнь!

Сказка 6. «Как Мишка с Зайкой играли в Донкихотов»

Мишка с Зайкой любили играть в Донкихотов. Для этого Мишка надевал на голову кастрюльку вместо шлема, брал в лапу метёлку или швабру вместо копья и вскарабкивался на большую подушку, которая, по его твёрдому убеждению, была белым боевым конём. Подушка и правда была белая, но на этом, пожалуй, ее сходство с конём и заканчивалось, потому что этот конь иногда норовил расплзтись, но Мишка поднимал его обратно и строго шептал: «Стой, Росинант, мы же в походе!»

Зайка же оказался актёром редкой универсальности: то он был Санчей Панчей — надевал старый жилет, подпоясывался ремнём и изображал серьёзного оруженосца на не менее серьезном ослике в виде маленькой жёлтой подушечки, то вдруг становился прекрасной Дульсинеей — набрасывал на плечи кружевную занавеску и важно моргал ресницами, как

делают все красавицы в свободное от наведения красоты время. Для этих превращений ему приходилось то «толстеть», то «худеть», но на самом деле вес Зайки не менялся, просто он то втягивал животик, то надувал щёчки.

Одетые так, они отправлялись в лес искать мельницы. Ведь, как известно, с мельницами Дон Кихоты борются беспощадно, потому что по сути они драконы. Правда, в лесу уже не осталось ни одной мельницы... Впрочем, если честно, их там никогда и не было. Да и драконы не водились... Но это друзей не останавливало: они назначали мельницей то кустик, то кучу жёлтых листьев, и с громким боевым кличем непременно их побеждали.

А в перерывах между поединками с мельницами, они много и увлеченно «донкихотствовали», то есть делали добрые дела. Иногда очень полезные, а иногда совершенно бесполезные, но всё равно тёплые и милые. Они выпрямляли согнувшиеся стебельки ромашек, угождали облака вареньем (те, конечно, ничего не брали, но Мишка был доволен, ему больше доставалось), гладили кору старого дуба, чтобы он не чувствовал себя одиноким, пели колыбельные песенки Ёжику, пока тот не заснёт, но от их визгливого пенья, он как раз-таки и не мог заснуть, приносили уткам сухие листья, «чтобы они ими укрывались в холодные ночи», и даже учили ветерок говорить «спасибо» и «урааа!» (ветер пробовал, но выходило что-то вроде «шшш-ууу»).

И в конце концов Мишка сказал:
— Знаешь, Зайка, хоть это и придурошно, но всё равно надо играть в Дон Кихотов.
— Чтобы не было мельниц, конечно... — серьёзно кивнул Зайка.

И они снова отправились в лес — искать новые кусты, новые кучи листьев и делать новые добрые дела.

Сказка 7. «Как Зайка и Мишка играли в классики»

Однажды Мишка и Зайка вышли во двор, и Зайка нарисовал палочкой на земле квадратики.

— Вот! — отдохнул Зайка. — Давай играть в классики!

— В кого? — удивился Мишка. — В Толстого и в Чехова?

— Нет-нет, — засмеялся Зайка, — в те, где прыгают!

— А-а... А я уж подумал, что мы будем прыгать в длинных сюртуках и бородах, писать книги на тему вроде: «Судьба человека есть загадка, которую решает само время».

Мишка представил, как он в толстовской рубахе прыгает по клеточкам, а Зайка в пенсне и с серьёзным видом кричит: «А теперь, Мишка, перепрыгни этот квадрат в стиле чеховского рассказа — то есть коротко и с неожиданным концом!»

Они начали прыгать чинно и по всем правилам, но очень быстро правила им наскучили. Тогда Мишка предложил ввести «литературные клетки».

«Клеточка Льва Толстого» требовала четырёх медленных, основательных томов-прыжков с глубоким философским вздохом, как будто за это время ты успеваешь подумать о судьбах России, семейных ценностях и том, что борщ надо есть только с чёрным хлебом, причем в сыром виде. А в конце прыжка Мишка непременно должен был поправить свою накладную бороду и произнести что-то вроде: «А всё-таки, Зайка, жизнь есть непрестанный труд души...»

«Клеточка Чехова» была совсем другой: один крошечный, почти незаметный прыжок — и ты вдруг смотришь куда-то в сторону, словно вспомнил про то, что если краткость сестра таланта, то кто ж его брат? А еще, успев подумать про сирень за окном, про чай в стакане с подстаканником и про то, что счастье всегда чуть-чуть опаздывает, как неспелый крыжовник.

Иногда они путались. Мишка, попав в клеточку «Чехова», вдруг начинал говорить длиннющую толстовскую речь про крестьянский вопрос, а Зайка, прыгнув в «Толстого», останавливался, щурился и молчал, как будто в рассказе уже настала последняя фраза — и вот-вот появится слово «конец».

А один раз они оба прыгнули в одну клетку и так увлеклись, что Мишка одновременно взыхал по-толстовски, а Зайка подмигивал по-чеховски, и от этого зрелица у соседской кошки случился культурный шок: она убежала за сарай и долго оттуда выглядывала, решая, не пора ли ей самой написать что-нибудь в жанре кото-реализма.

Вдохновлённые своим успехом, они тут же придумали ещё пару «клеточек».

«Клеточка Гоголя» была особенно весёлой: прыгать нужно было с самым загадочным выражением лица и длинным носом, будто ты только что увидел, как по соседней улице проходит твой собственный нос, и теперь ты пытаешься сделать вид, что это в порядке вещей. Мишка тут же освоил этот прыжок, а Зайка, подпрыгнув, тихо шепнул: «Какой чудесный усыпанный звёздами вечер в близь Диканьки...» и «что-то пахнет шинелью». И ещё «редкий заяц долетит до середины Днепра...» Но самой сложной оказалась «Клеточка Достоевского». Здесь надо было сделать ныряющий прыжок вперёд, приземлиться, схватиться за голову и прошептать: «мы все за всё в ответе...» — так, чтобы у всех вокруг заболела голова, защемило в сердце и стало не на шутку тревожно. Мишка так проникся, что однажды остался сидеть в клетке «Достоевском» целых пять минут, пока Зайка не вытянул его за лапу, приговаривая: «Ну, Мишка, выходи, у нас дальше Тургенев, там проще!»

А «Клеточка Тургенева» действительно была лёгкой и воздушной: прыжок надо было совершать с мечтательной улыбкой и воображаемым букетом полевых цветов в лапках. Зайка в этой роли был неподражаем, и Мишка даже сказал, что готов посвятить ему целую толстовскую главу.

В итоге к концу игры весь двор был усыпан «литературными клетками», а смех Мишки и Зайки звучал так, что, наверное, даже сами Толстой, Чехов, Гоголь и Достоевский переглянулись и улыбнулись.

А потом Мишка с Зайкой лежали на траве, хохотали и спорили, кто из них получился более классическим классиком. И пришли к выводу, что «как же классно быть классиками!».

Но потом всё-таки решили, что лучше всего они получаются, когда просто остаются Мишкой и Зайкой.

Сказка 8. «КАК МИШКА И ЗАЙКА ПРИДУМАЛИ ЛЕЧЕНИЕ ДОБРОМ»

В лесу, где проживали Зайка и Мишка, жила змейка, которую все звали змеёй-врачукой. Не потому, что она умела лечить лучше всех, а потому что собой напоминала эмблему медицины — вилась спиралью, как на эмблеме, и нередко прикладывалась к рюмке. **Лесные жители приходили к ней за помощью, но лечила змейка как-то без теплоты:** вроде и травку даст, и повязку наложит, а в глазах — ни капли заботы. Только знай шипит на всех без дела...

Однажды Зайка, будучи по натуре любопытным и добрым, решил ей помочь. Он таскал подорожник, сушил ромашку, приносил кувшинчики с родниковой водой, а иногда просто сидел рядом, чтобы пациенты не скучали. Но однажды, ни с того ни с сего, змейка взяла да и укусила Зайку. Конечно, в этом лесу никто ядовитым не был, но уши у Зайки поникли, сердце

сжалось, а в душе поселилась обида.

— Ну что ж, — сказал он себе, — лечить без доброты — всё равно что поить чаем без варенья.

Он попрощался со змейкой и ушёл. Дома Мишка, как всегда, варил своё знаменитое диетическое варенье из лесных ягод и раскладывал по баночкам волшебный мед, который был самый полезный и почему-то даже никогда не лип к лапам.

Мишка, услышав от Зайки, что змейка, которой он помогал, вдруг его укусила, так и подскочил на месте. Хоть он и был добрым Мишкой, лапы его сжались в кулаки, бровки нахмурились, а в глазах заплясали сердитые искорки.

— Ну всё, — рыкнул он как настоящий медведь, — сейчас я эту змею в узел завяжу, чтобы неповадно было!

Он топнул лапой так, что с дерева посыпались листья, и решительным шагом направился туда, где обычно грелась змейка. Но Зайка, быстро подскочив, обхватил его за лапу и тихо сказал:

— Не надо, Мишка. Мы же лечим, а не мстим. Пусть её вылечит сама жизнь.

Мишка тяжело вздохнул, но отступил, буркнув что-то про «дожили» и «несправедливость в лесу», и пошёл доваривать варенье для будущих пациентов.

Вместе они решили, что будут лечить по-своему — не только травами и компрессами, но и добрым словом, смехом, сказками и угощением.

Так Мишка стал Бармалитом — потому что все после его лечения ходили такие довольные и смешно облизывались. А Зайка получил имя Айнеболей, ведь его

мягкие лапки и ласковые слова снимали любую боль, даже ту, что в душе.

Они бегали по всему лесу: Лисёнку залатали порванный мяч, белочке выдали рецепт «как перестать чихать на ореховую пыльцу», Ёжику помогли снять с иголок репейник, а сове — придумали очки из прозрачных капелек смолы.

И настолько их работа пришлась всем по душе, что на большом Лесном Совете им вручили Приз Леса за «Лучшее и Самое Доброе Занятие». А Мишка и Зайка только улыбались и говорили:

— Главное, чтобы всем стало чуть теплее.

И в этот вечер весь лес пах медом, вареньем и счастьем.

А к Змейке лечиться больше никто не ходил.

СКАЗКА 9. «КАК МИШКА ВАРИЛ ВАРЕНЬЕ, ЧТОБЫ УСПОКОИТЬСЯ» "

В один прохладный утренний час Мишка проснулся и почувствовал, что внутри у него поселилось лёгкое волнение. Не то чтобы что-то случилось, но мыслишки у Мишки бегали, как шустрые муравьишки, и не давали покоя. Он сел на край своей мягкой кроватки, почесал за ухом и решил: надо что-то сделать, чтобы сердце снова стало тёплым и спокойным.

Вспомнилось ему, что на полке в кладовке стоит корзина, а там — целая гора спелой малины. И тут же у Мишки засияла мысль: «А что, если сварить варенье? Ведь запах сладких ягод и тихое бульканье в кастрюле умеют успокаивать лучше любой колыбельной».

Он надел свой любимый фартук с вышитой ромашкой,

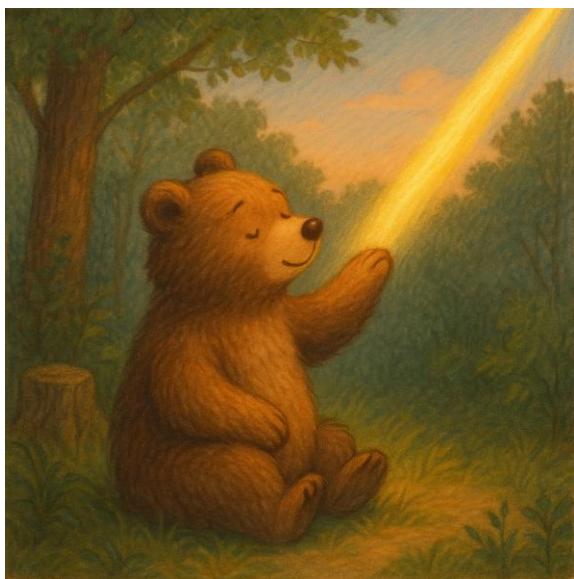
аккуратно перебрал малину, чтобы каждая ягодка была целая и чистая. Поставил большую кастрюлю на плиту, добавил туда малины и начал тихонько помешивать. Медленно, неспешно, как будто вместе с ложкой размешивает и свои мысли, делая их мягче и добре.

Скоро по дому поплыл тёплый, густой аромат, от которого Мишка невольно улыбнулся. Он представил, как угостит этим вареньем Зайку, Ёжика и даже старого Воробья, который вечно ворчит, но от варенья всегда веселее щебечет.

Когда варенье было готово, Мишка разлил его по маленьким баночкам. Каждую он накрыл крышечкой, перевязал ленточкой и поставил на подоконник остывать. Сидя рядом с ними, он смотрел, как солнечный свет играет в густой малиновой глубине, и чувствовал, что внутри стало тихо, тепло и радостно.

А вечером, когда друзья пришли в гости, они пили чай с ароматным вареньем, и Мишка рассказал им, что иногда, чтобы успокоиться, достаточно просто сварить что-то вкусное для тех, кого любишь. И все согласились, что это — самое правильное варенье на свете.

Сказка 10. «Как Мишка гладил лучик лапкой»

Однажды Мишка проснулся очень рано. Лес ещё спал, только птицы сонно переговаривались где-то в кронах деревьев. Мишка вышел на крыльцо, зевнул, потянулся и вдруг заметил, как из-за дальнего холма осторожно пробирается первый утренний луч. Он был тонкий, тёплый и чуть-чуть робкий — словно маленький золотой червячок, который боится разбудить траву. Мишка сел на пенёк, протянул лапку и очень осторожно провёл по лучику, словно поглаживая его. Луч засиял ярче, будто улыбнулся, и стал смелее пробираться между листочков.

— Доброе утро, лучик, — тихо сказал Мишка. — Не спеши убегать, я тебя поглажу, чтобы тебе было веселее.

Луч согрел ему ладошку и обвел мягким светом весь пенёк, кустики и даже всю полянку. Мишка почувствовал, что лес просыпается — распахиваются цветы, расправляются крыльышки у жучков, и даже утренний туман отступает, пропуская свет.

Так они сидели вдвоём — Мишка и лучик — пока лес окончательно не проснулся. А потом лучик подмигнул, будто сказал: «Спасибо, друг!» — и убежал играть с другими лучами.

Мишка улыбнулся и подумал, что, наверное, иногда и свету нужна ласка, чтобы он светил по-настоящему.

Но к середине дня небо затянули тучки и лес выглядел непривычно хмурым. Уже не пели птицы, не жужжали пчёлки, и даже ветерок куда-то запропал. Серые тучи висели над верхушками деревьев, и казалось, что солнце в них заблудилось.

Мишка сидел у окна, пил тёплый чай с мёдом и немного грустил. Он думал о том, как хорошо было бы, если бы сейчас на поляну заглянул тот самый утренний луч, с которым он подружился.

И вдруг — словно в ответ на его мысль — между облаками осторожно протянулась тоненькая золотая ниточка света. Она пробилась сквозь серый покров, нашла окошко Мишки и, не стесняясь, легла прямо ему на лапку.

— Лучик! — обрадовался Мишка. — Как же я рад тебя видеть!

Мишка погладил лучик, а тот отозвался мягким теплом. Комната сразу наполнилась светом, и даже стены будто улыбнулись. Луч стал бегать по полочкам, заглядывать в банки с вареньем, подпрыгивать на кружке чая и смешно играть с пылинками в воздухе.

Скоро к Мишке с Зайкой заглянул Ёжик. Все заметили, что грусть куда-то исчезла. Даже тучи, словно обидевшись, что их игнорируют, начали понемногу

расползаться, пропуская всё больше света.

А Мишка понял, что настоящий друг — это тот, кто приходит даже в самый серый день, чтобы напомнить тебе: тепло всегда рядом, стоит только протянуть лапку.

В лесу наступал вечер. Солнце уже пряталось за горизонтом, и туман начал клубиться между деревьев. Все лесные жители спешили домой, но маленькая бурундучик, заигравшись, забрёл далеко от своей норки и теперь не мог найти дорогу. Он бегал туда-сюда, но всё вокруг казалось одинаковым: серые стволы, густая трава, тень и туман. Бурундучик тихонько всхлипывал, думая, что придётся ночевать под открытым небом.

В это время Мишка почувствовал какое-то беспокойство. Он выглянул в окно — и вдруг увидел, как из-за облаков протянулся знакомый золотой лучик. Но ведь было уже поздно, солнышко давно зашло...

Лучик заглянул прямо в глаза Мишке, будто говорил: «Пойдём со мной, нужно помочь». Мишка сразу понял, что дело серьёзное. Он надел шарфик и побежал вслед за лучом.

Луч скользил по траве, пробирался между кустами, освещал тропинки в тумане. И вот в самом дальнем уголке леса Мишка увидел маленького Бурундучка, дрожащего от страха.

— Не бойся, я тебя нашёл, — сказал Мишка, обнял его и погладил по голове.

Лучик обвил их мягким теплом, и дорога домой вдруг стала ясной и светлой, даже туман расступился.

Когда они дошли до норки, Бурундучик поблагодарила Мишку и его светлого друга. А лучик тихо подмигнул и

исчез, ведь ему пора было отдыхать до следующего утра. С тех пор в лесу говорили, что утренний лучик — не просто солнечный гость, а настоящий хранитель, который приходит тогда, когда он нужен больше всего, а Мишку стали звать «золотой», потому что он часто гулял с золотым лучиком и всех спасал.